

UNITED WISDOM

Освобождение, спасение и просветление: различие целей

Традиции и картины мира

Andrey Zarinsh & Maria Evilkut

W-29-N03 · RU

@andrey.zarinsh @ilkutki

Освобождение, спасение и просветление: различие целей

> *«Очень близко к отречению пребывает вечный мир».*
>
> *«Бхагавадгита», XII.12, фрагмент поэтического перевода Edwin Arnold, The Song Celestial (1885). Наш русский перевод с английского: текст, глава XII. Поэтическая формулировка переводчика не выдаётся за буквальную передачу санскрита.*

Три человека говорят, что ищут окончательную свободу. Первый хочет выйти из повторения существования. Второй — восстановить отношения с Богом. Третий — перестать принимать изменчивый опыт за прочную опору. Одно слово создаёт ощущение согласия, пока разговор не доходит до вопроса: от чего именно и ради чего?

О чём эта статья

Освобождение, спасение и просветление называют глубочайшие цели человеческой жизни, но не образуют готовый словарь взаимозаменяемых понятий. Эта статья рассматривает, как цель связана с пониманием исходной проблемы, человека, знания, действия и высшего. Мы обратимся к конкретным фрагментам упанишад и «Бхагавадгиты», раннего буддийского наставления о четырёх истинах и католического самоописания небесной жизни. Эти примеры не представляют все школы своих традиций. Они позволяют увидеть несколько разных ответов на вопрос о завершении пути. Отдельно разберём современное слово «просветление», различие между сильным переживанием и устойчивым изменением, роль помощи и собственных усилий. Практическая часть предложит прояснить собственную цель, не приписывая себе традиционный статус. Сопоставление поможет услышать реальное сходство человеческих устремлений и сохранить несогласие относительно их окончательного содержания.

@andrey.zarinsh @ilkutki

I. Цель невозможно понять отдельно от исходной проблемы

Фраза «все традиции стремятся к освобождению» кажется широкой и доброжелательной. Однако она оставляет без ответа почти всё, что делает отдельную традицию узнаваемой. Свобода от чего? От опасности, заблуждения, греха, страдания, повторного рождения, зависимости от результата? И что считается свободой: прекращение некоторого процесса, восстановление отношения, правильное знание, иной способ существования?

Чтобы сравнение стало содержательным, полезно представить условную карту из четырёх вопросов. Как описана проблема? Почему обычные способы её решения недостаточны? Какая перемена необходима? По каким признакам можно говорить о достижении цели? Это авторская схема чтения, а не найденная во всех религиях единая инструкция. Её достоинство состоит в том, что она позволяет сравнивать ответы, не подставляя заранее любимую формулу.

Вообразим, что два человека жалуются на одиночество. Один считает проблему отсутствием отношений, другой — невозможностью спокойно оставаться одному. Их переживания могут быть близки, но предложенные решения различны. Аналогично язык духовной свободы может скрывать разные представления о том, что в человеческой ситуации вообще требует исправления. Общая тяжесть вопроса ещё не делает одинаковыми способы его постановки.

Поэтому цель не следует извлекать из одного вдохновляющего предложения. Она получает значение внутри аргумента, повествования, ритуала и жизни сообщества. Фраза о мире может относиться к прекращению определённой причины беспокойства, к окончательному примирению или к состоянию познания. Перевод одним русским словом не устраняет этих различий. Он только создаёт удобную точку для следующего вопроса.

Само слово «окончательный» тоже требует осторожности. Для читателя оно может означать «теперь мне хорошо». Для текста — событие или состояние, связанное с судьбой человека гораздо шире текущего самочувствия. Если мы заранее уменьшаем религиозную цель до эмоционального облегчения, сравнение превращается в перевод чужих учений на язык наших привычных ожиданий. Такой перевод возможен как авторская интерпретация, но должен быть назван прямо.

II. Освобождение и вопрос о том, что необходимо узнать

В «Чхандогья-упанишаде», VI.1, отец Шветакету использует пример материала и сделанных из него предметов. В VI.8 разговор возвращается к основанию существующего и к отношению человека к нему. Это определённая линия наставления, а не общее доказательство того, что всякая религия учит одному и тому же. Прочитать начало диалога и VI.8 необходимо вместе с их вопросом о знании.

Здесь существенно различить сообщение и понимание. Человек может запомнить высказывание о единстве, не изменив того, что он считает собственным «я». Если цель связывается с преодолением определённого незнания, повторение слов ещё не означает его устранения. Вопрос переносится с того, сколько новых сведений накоплено, на то, как понято отношение между собой и основанием существования.

Эта развилка позволяет увидеть, почему духовное знание нельзя автоматически приравнять к энциклопедической осведомлённости. Знать название школы и понимать её довод — разные достижения. Но обратная крайность также опасна: объявлять все различения ненужными, потому что «истина переживается». Текстуальное наставление обращено к собеседнику и разворачивает мысль. Его нельзя честно заменить одним ощущением глубины.

При этом из нескольких фрагментов упанишад не следует одна готовая теория освобождения для всей индийской философии. Разные толкования отношения атмана и высшего основания ведут к разным ответам. Обзор концепций Бога помогает обозначить различие внутри веданты; архивная редакция используется как ориентир, а не как исчерпывающая история школ.

Для современного читателя отсюда следует ограниченный, но полезный вопрос: что именно я считаю ошибочным в своём понимании жизни? Если ответ состоит лишь в том, что мне не хватает успокаивающей идеи, это ещё не тот же вопрос, который ставит философское наставление. Обращение к нему может начать исследование, но не выдаёт читателю свидетельство достигнутой свободы. Уважение к тексту включает право признать, что его задача пока остаётся трудной и непривычной.

III. Четыре истины требуют четырёх разных отношений

В наставлении о начале поворота колеса Дхаммы исходная проблема не ограничивается плохим настроением. Рождение, старение, болезнь, смерть, разлука с желаемым и встреча с нежеланным входят в описание страдания. Его возникновение связывается с жаждой, прекращение — с её устранением, а путь — с восемью составляющими, включающими воззрение, намерение, речь, действие, образ жизни, усилие, внимательность и сосредоточение. «Dhamma-cakka-ppavattana-sutta»,§§5–8. Перечень соединяет понимание, поведение и работу внимания, не сводя путь к одной успокаивающей процедуре.

Почему мало просто выучить четыре положения? В последующей последовательности сутты различаются признание истины, задача в отношении неё и исполнение этой задачи: страдание требуется понять, его возникновение устранить, прекращение осуществить, путь развить. §§9–20, тот же источник. Знание проблемы не выполняет работу с её причиной. Обещание изменения не удостоверяет, что изменение уже произошло. Эта последовательность делает слово «понимание» значительно требовательнее обычного интеллектуального согласия.

Наш аналитический пример: человек понял, почему стремится постоянно подтверждать собственную значимость. Такая ясность ещё не показывает, как он будет говорить с другим, зарабатывать, направлять внимание и отвечать на новое разочарование. Наблюдение может стать началом работы, но не заменяет все её стороны. Пример иллюстрирует различие знания и осуществления; он не объявляет бытовую привычку полным содержанием буддийской жажды.

Здесь особенно важен масштаб цели. Если конечным критерием сделать отсутствие неприятного чувства в данный момент, исчезнет вопрос об устойчивом источнике зависимости. Сильная приятная эмоция и ясное понимание причин — разные результаты. Поэтому направление выбранного текста можно описать как прекращение определённого воспроизводящегося процесса, а не как накопление максимально удобных состояний. Такое объяснение точнее простого противопоставления счастья и несчастья.

В переводе 1881 года встречаются отдельные пояснения и полемические сравнения переводчика. Мы не принимаем их за слова сутты. Для нашего сопоставления достаточно самого различия проблемы, причины, прекращения и пути. Оно показывает, почему «просветление» нельзя без остатка перевести словом «инсайт»: новый взгляд представляет лишь один возможный шаг, тогда как выбранный текст связывает цель с преобразованием всей структуры отношения к страданию.

IV. Спасение: исцеление от греха и участие в жизни Бога

В католическом самоописании спасение нельзя объяснить только появлением счастливого чувства после смерти. Раздел о благодати называет её незаслуженной помощью Бога, участием в его жизни и даром, исцеляющим от греха. Она зависит от инициативы Бога, превосходящей возможности человеческого разума и воли. Катехизис,§§1996–1999. Поэтому исходная проблема имеет нравственное и религиозное содержание: требуется преобразование отношения к Богу, которое человек не производит одним повышением собственной эффективности.

Раздел о небе описывает исполнение как общение с Троицей и сохраняет личную идентичность. §§1023–1029. Это конкретная католическая формулировка, а не голос всех христианских конфессий. Она связывает конечную цель с отношением, в котором человек участвует, а не с исчезновением любого различия между участниками. Само слово «общение» несёт здесь смысловую нагрузку.

Сопоставим две собственные модели изменения. В первой ученик исправил ошибку и теперь правильно решает задачу. Во второй человек восстановил нарушенное отношение с тем, кому причинил зло. Исправленное понимание важно в обоих случаях, но во втором нельзя считать работу завершённой только потому, что виновный научился ясно описывать проблему. Имеют значение другой участник, признание и возможность ответа. Эта ограниченная аналогия помогает услышать тему отношения, не исчерпывая благодать человеческим примирением.

Если читатель заменяет эту цель «открытием истинной природы», он должен показать, что осталось от дара, греха и общения. Если заменяет её «прекращением жажды», требуется столь же точный ответ о статусе отношения к Богу. Красивый общий язык преобразования не решает таких вопросов. Он может начать сравнение, но не служит доказательством, что исходные проблемы совпали.

Практический смысл различия не в том, чтобы измерять чужую духовную зрелость. Он в том, чтобы не требовать от религиозного собеседника отказаться от предмета своей надежды ради общего психологического словаря. Мы можем обсуждать заботу, признание проступка и исправление последствий совместно. Католический участник при этом вправе понимать их в горизонте дара и общения, содержание которого не выводится автоматически из нашего общего действия.

V. «Гита» отвечает на неспособность, а не распределяет типы людей

В XII главе Арджуна спрашивает о преданности проявленному высшему и об обращении к непроявленному. Ответ Кришны признаёт оба направления, отмечает трудность непроявленного для воплощённых и затем обращается к способности конкретного действующего человека. Если постоянное сосредоточение недоступно, предлагается упражнение; если не удаётся и оно — действие ради высшего; далее обсуждается отказ от плодов. «Бхагавадгита»,XII, перевод Edwin Arnold. Это последовательность наставления в поэтической версии, а не буквально восстановленная терминология санскрита.

Здесь полезно заметить повторяющееся условие: что делать, если уже названный способ недоступен? Текст не останавливается на обвинении в недостаточной решимости. Он предлагает продолжение отношения через другое действие. Однако это ещё не означает, что любые выбранные человеком занятия объявлены равными путями. Все варианты остаются внутри определённой адресованности высшему. Если удалить адресата, изменится основание, на котором варианты соединены.

Наш современный пример различает средство и цель. Человек не способен долго поддерживать внимание, но может добросовестно выполнить конкретную работу. Из того, что работа стала доступным началом, не следует, что конечная цель уменьшилась до завершения проекта. И из различия доступности не следует, что люди навсегда разделены на эмоциональный, интеллектуальный и деятельный типы. Трудность одного этапа описывает ситуацию, а не окончательную природу участника.

Сам перевод Арнольда использует сравнительные оценки знания, служения и отречения. Поэтому было бы неверно уверять, будто текст совсем не ранжирует средства. Наш вывод уже: этот порядок нельзя автоматически превратить в современную лестницу зрелости всех религий. Сначала требуется понять, что сравнивается внутри главы, кому дан ответ и какую роль играет направленность действия. Затем можно обсуждать, насколько перевод раскрывает эти отношения.

Отказ от плодов тоже требует конкретного чтения. Между «я не могу гарантировать результат» и «мне безразличны последствия» лежит принципиальная разница. Первый вывод совместим с внимательной работой, второй способен её разрушить. Из выбранного наставления мы не получаем разрешения подменить ответственность пассивностью. В сравнении с буддийской суттой и католическим описанием важно сохранить именно религиозный горизонт действия: внешне сходное усилие может отвечать разным представлениям о последней цели.

VI. Переживание не равняется окончательному достижению

Сильное переживание единства, облегчения или ясности способно изменить жизнь. Но описание события и определение его духовного статуса — разные задачи. Первое сообщает, что человек испытал. Второе помещает переживание в систему понятий и критериев. Переход между ними нуждается в аргументе; одинаковое слово «свет» или «свобода» такого аргумента не предоставляет.

Условный современный пример: после трудного разговора человеку становится необычно спокойно. Он впервые признаёт собственную ошибку, перестаёт защищаться и чувствует близость к собеседнику. Это значимое событие. Однако из него нельзя автоматически заключить, что достигнуто спасение, мокша или нирвана. Такие выводы требуют гораздо более определённого содержания, чем факт эмоциональной перемены.

Обратное замечание тоже необходимо. Ограничение статуса не обесценивает опыт. Человеку не нужно объявлять себя просветлённым, чтобы признать, что он поступил честнее или увидел важную связь. Иногда громкое название даже мешает дальнейшей работе: если цель будто бы уже достигнута, становится труднее замечать новые ошибки, слушать возражения и пересматривать собственное понимание.

Полезно отдельно говорить о длительности и последствиях. Сколько продолжалось переживание? Что изменилось в поступках? Какие прежние привычки сохранились? Эти вопросы могут прояснить личный рассказ, но не создают универсального измерителя духовного достижения. У разных традиций различны не только названия, но и способы обсуждать результат, свидетельство и авторитет.

Сравнивать рассказы допустимо на ограниченном уровне. Например, исследовать, как люди описывают прекращение внутреннего конфликта или изменение отношения к смерти. Но сходство описаний не устанавливает тождество метафизических событий. Именно здесь особенно важно оставить место для нескольких объяснений. Читатель может признать опыт реальным для рассказчика и одновременно воздержаться от уверенного решения о его окончательной природе. Такая осторожность является формой понимания, а не отказом от интереса.

VII. Усилие, наставление и дар: три формы помощи

Теперь можно ответить на вопрос, который обычно скрывается за фразой «всё зависит от тебя». В выбранных текстах деятельность человека нигде не описана просто как покупка желаемого состояния правильным количеством усилия. Но это не делает их ответы одинаковыми. Сравним роль помощи по существу, сохраняя различие уже названных целей.

В сутте наставление сообщает путь, который требуется развивать; в католическом разделе Божья инициатива предполагает свободный ответ человека, а подготовка к принятию благодати сама связана с благодатью; в XII главе «Гиты» преданный получает обещание помощи от Кришны. Сутта,§§18–20; Катехизис,§§2001–2002; «Гита»,XII. Здесь рядом стоят развитие пути, участие в даре и адресованная преданность. Их нельзя свести к различию «активный человек» и «пассивный человек».

Философски различается то, что усилие способно произвести. Обучение способно помочь участнику увидеть задачу и поддерживать работу. Дар, по смыслу этого слова, не превращается в произведённый человеком результат. Отношение к адресату предполагает ответ, который не описывается только как собственное техническое достижение. Это наш разбор функций названных понятий. Он показывает, почему одинаковое требование постоянства не даёт общего объяснения конечного исхода.

Возьмём отказ от обещанного успеха. В обычном проекте разумно проверить условия, средства и качество исполнения. В религиозном горизонте человек может также обсуждать доверие и зависимость от того, что ему не принадлежит. Но если он начинает считать любое чужое страдание свидетельством недостаточной веры или усилия, появляется новое обвинение. Ни общая идея дара, ни призыв к развитию пути сами по себе его не обосновывают. Для подобного вывода требуются отдельные доводы, а не уверенный тон советчика.

Сравнение даёт не универсальный рецепт, а более точную постановку ответственности. Что человеку поручено делать? Что он не считает производимым собственными силами? От кого или от чего ожидает помощь? После ответа можно увидеть реальное расхождение. Буддийский путь в выбранной сутте не становится католической благодатью от того, что оба предполагают участие человека. Католическая благодать не становится бездействием от того, что её называют даром. Точная связь помощи и действия делает каждую позицию содержательнее.

VIII. Общая нравственная работа не устраняет различие целей

Люди с разными представлениями о конечной свободе способны совместно помогать близким, поддерживать справедливый разговор и признавать ответственность. Такое сотрудничество не требует доказательства, что их учения тайно совпадают. Общая задача может иметь достаточные основания в самой ситуации: кому-то необходима помощь, договорённость нарушена, человека не слышат.

Но и обратное неверно: различие метафизических целей не означает невозможности всякого согласия. Важно определить уровень разговора. На одном уровне обсуждается

поступок, на другом — его место в религиозной жизни, на третьем — окончательное понимание мира. Совпадение на первом уровне не переносится автоматически на остальные; расхождение на третьем не уничтожает первое.

Представим условную встречу людей, которые хотят примирить две стороны конфликта. Один понимает эту работу как служение Богу, другой — как уменьшение причин страдания, третий — как человеческую обязанность без религиозного обоснования. Они могут договориться о правдивости и внимании. Это реальный результат. Он не становится менее ценным из-за того, что участники продолжают по-разному отвечать на вопрос о последней цели.

Для автора сравнительной статьи важно не присваивать их сотрудничество одной философии. Можно показать связь между действиями и разными объяснениями. Можно предложить собственную позицию относительно общих оснований. Но нельзя говорить от имени всех участников, будто практическая договорённость уже подтвердила единое скрытое учение. В этом случае согласие создано редактором, а не людьми.

Сохранение различий не мешает уважению. Иногда именно ясное несогласие делает отношение устойчивым: человек понимает, что его убеждение услышано и не будет незаметно переписано. Сравнительная философия полезна тогда, когда расширяет способность понимать аргументы. Она теряет эту пользу, если превращается в соревнование за право дать окончательное имя чужому опыту. Методологический обзор помогает удерживать масштаб выводов.

IX. Одинаковое исправление поступка и разные горизонты

Представим конкретный случай: человек публично унизил близкого, затем признал поступок, извинился и изменил способ разговаривать. На ближайшем уровне результат вполне понятен. Другой человек получил признание, а обещание можно проверить в следующих встречах. Какое место этот результат занимает в трёх рассмотренных горизонтах? Чтобы ответить, не нужно объявлять его достижением последней цели.

В буддийском сопоставлении вопрос будет касаться связи речи, намерения и воспроизводящегося стремления удержать желаемый образ себя. В католическом — также отношения проступка, ответа и участия в жизни, понимаемой как дар. В сопоставлении с «Гитой» — того, каким смыслом направлено действие и что человек присваивает себе как его плод. Это наши аналитические применения различий из предыдущих разделов, а не найденные исторические рассказы об одном случае. Они делают видимыми вопросы, которые простое совпадение поведения не решило.

Теперь изменим условие. Человек извинился только ради восстановления хорошей репутации. Ближайшая задача могла быть внешне исполнена, но смысл действия

изменился. Другой участник вправе заметить, что признание ошибки превратилось в средство получить желаемую оценку. Вопрос о направленности поступка поэтому не является отвлечённым дополнением: он меняет понимание того, что уже было сделано. Однако ни это наблюдение, ни более искреннее извинение не дают нам полномочий удостоверить нирвану, мокшу или спасение.

Так различаются критерии, которые доступны совместному разговору, и критерии, связанные с конкретным учением. Соблюдение договорённости можно проверять без общего религиозного ответа. Значение этой договорённости в последнем горизонте человек объясняет через свою позицию. Здесь возможно сотрудничество: один участник помогает исправить последствия, другой задаёт вопрос о мотивах, третий поддерживает устойчивость обещания. Сотрудничество не требует предварительно унифицировать все представления о конечной судьбе человека.

Для сравнения важен и обратный ход. Если знание учения никак не меняет отношение к поступку, следует спросить, какую работу выполняет оно в жизни читателя. Это открытый вопрос, а не диагноз его веры. Высокая формула может углубить ответственность, а может прикрыть отказ обсуждать конкретную ошибку. Различить эти случаи помогают действия, объяснения и возможность возражения. Ближайшая задача остаётся серьёзной именно потому, что не выдаётся за весь путь: она показывает, где смысл уже встретился с жизнью и что ещё предстоит понять.

X. Почему конечную цель нельзя выбирать по обещанию комфорта

Современный читатель нередко спрашивает: какая традиция поможет мне быстрее чувствовать себя лучше? Это понятный вопрос, но он отличается от вопроса о спасении или освобождении. Традиция может предложить переосмыслить сами ожидания, а не только улучшить исполнение уже поставленных желаний. Поэтому привлекательность обещания ещё не показывает, что его содержание понято.

Другая трудность возникает, когда цель выбирают как красивую идентичность. «Я человек пробуждения» звучит выразительнее, чем «я пока исследую определённый текст». Однако название не заменяет работу. Оно может даже сделать чтение избирательным: всё, что поддерживает новый образ себя, замечается, а неудобные требования текста отбрасываются как устаревшие детали.

Нельзя требовать от каждого читателя принадлежности к традиции. Возможны исследовательский интерес, критика, частичное согласие и отсутствие окончательного решения. Но эти позиции следует различать. Человек вправе сказать, что взял из текста

одну мысль для собственной жизни. Ему не требуется доказывать, что теперь он прошёл весь путь, который описывает текст.

Хороший результат сравнительного чтения иногда выглядит скромно: стало понятно, почему другое слово нельзя просто заменить своим. «Спасение» не обязательно означает самоусовершенствование; «освобождение» не обязательно означает независимость от людей; «просветление» не обязательно означает приятную ясность после размышления. Эти уточнения открывают новый разговор, потому что устраняют готовые ответы, слишком легко полученные из привычного языка.

Три человека, с которых началась статья, могут закончить встречу без общей формулы. Один продолжит говорить об отношении с Богом, другой — об устранении незнания, третий — о прекращении причины страдания. Если теперь каждый способен точнее назвать собственный вопрос и услышать вопрос другого, встреча уже состоялась. Единство разговора не требует единства конечной цели. Оно требует внимания, честности и готовности не завершать понимание раньше, чем действительно понята разница.

Что это значит на практике

Выберите одно слово, которое вы используете для желаемого изменения: свобода, спасение, ясность, покой. Запишите, от чего именно хотите освободиться и что должно появиться вместо этого. Старайтесь говорить конкретно. «Хочу перестать возвращаться к одному спору» сообщает больше, чем «хочу стать выше всего». Это авторский способ прояснения речи, а не традиционная практика достижения окончательной цели.

Затем отделите три вопроса. Что я переживаю сейчас? Какие действия готов изменить? Во что верю относительно человека и мира? Ответы могут быть связаны, но не обязаны совпадать. Временное облегчение не доказывает метафизическую позицию, а наличие убеждения не гарантирует соответствующее поведение. Такое разделение помогает обсуждать перемену без преувеличения её масштаба.

Если читаете религиозный текст, найдите конкретный фрагмент, где названы проблема и цель. Укажите произведение, раздел и перевод. Проверьте, не принадлежит ли объяснение предисловию переводчика. Сформулируйте ответ сначала словами, близкими к тексту, и только затем предложите собственную интерпретацию. Между этими двумя шагами часто обнаруживается наиболее полезное различие.

В разговоре с другим человеком уточняйте значение его слова, прежде чем исправлять его или соглашаться. Можно спросить, имеет ли он в виду знание, изменение отношения, прекращение определённой причины страдания или что-то иное. Не требуется

немедленно решать, чья конечная цель верна. Достаточно увидеть, какой вопрос действительно обсуждается.

Наконец, выберите одно доступное действие, соответствующее уже прояснённой ближайшей задаче: выполнить обещание, прочитать трудный фрагмент, признать ошибку, попросить о помощи. Не называйте это универсальным способом спасения. Его ценность состоит в конкретной ответственности здесь и сейчас. Конечный религиозный статус не следует присваивать по результату такого шага. Зато можно честно проверить, выполнено ли действие и стало ли ваше описание собственной цели точнее.

Ключевая цитата

> *«Освобождение от этой жажды, прекращение её поддержания».*

«Dhamma-cakka-ppavattana-sutta», §7, речь Будды в повествовании сутты; фрагмент перечисления третьей истины. Наш перевод с английского T. W. Rhys Davids, *Buddhist Suttas*, 1881: проверяемый фрагмент. Это сокращённая цитата; она не означает запрета любого человеческого желания.

Связи между традициями

Это аналитические сопоставления отдельных позиций, а не утверждение об установленном историческом влиянии.

Позиции и источники	Реальное сходство	Граница сопоставления
Наставление о знании основания в «Чхандогье», VI.1 и причинная постановка четырёх истин, §§5–8	В обоих случаях требуется понять исходную проблему, а не только получить утешение.	Предмет знания и понимание того, что должно прекратиться, различны; это не единая теория освобождения.
«Бхагавадгита», XII и католическое описание небесной жизни, §§1023–1029	Отношение к высшему существенно для понимания цели.	Преданность Кришне и общение с Троицей принадлежат разным учениям; одной функции отношения недостаточно для их отождествления.
Раннее буддийское наставление, §§2–8 и «Бхагавадгита», XII	Текст связывает цель со способом жизни и действия, а не только с сообщением о ней.	Устройство пути, основания действия и описание конечного результата не совпадают.

Позиции и источники	Реальное сходство	Граница сопоставления
«Чхандогья», VI.8 и Катехизис, §1025	Цель требует ответа на вопрос, кто человек в отношении к высшему.	Формула наставления о Самости и сохранение личной идентичности в общении с Богом нельзя переводить одной схемой исчезновения личности.
Диалог о колеснице в «Вопросах Милинды», II.1.1 и образ колесницы в «Катха-упанишаде», I.3.3–9	Оба образа помогают уточнить представление о человеке, существенное для пути.	Условное обозначение человека и различение владельца, разума и чувств выполняют разные функции; похожая метафора не доказывает одинаковую цель.

Первоисточники

• «Чхандогья-упанишада», VI.1 и VI.8; F. Max Müller, *The Upanishads*, 1879: VI.1, VI.8. Первичный текст через исторический перевод; прочитаны указанные фрагменты, а не весь корпус.

• «Бхагавадгита», XII; Edwin Arnold, *The Song Celestial*, 1885, доступная книжная редакция 1900: текст. Первичный поэтический перевод; глава прочитана целиком, предисловие не принимается за современную историю текста.

• *Dhamma-cakka-ppavattana-sutta*, §§2–20; T. W. Rhys Davids, *Buddhist Suttas*, 1881: текст. Первичный перевод; старые сравнительные замечания введения и вставки переводчика отделены от сутты.

• Катехизис Католической церкви, §§1023–1029. Официальное католическое самоописание; прочитан весь указанный раздел, не весь Катехизис.

• Катехизис Католической церкви, §§1996–2002. Официальный раздел о благодати, прочитаны указанные параграфы и контекст§§2003–2005; помощь, исцеление от греха, инициатива Бога и свободный ответ человека.

• «Вопросы Милинды», II.1.1; T. W. Rhys Davids, 1890: диалог. Первичный перевод для строки сопоставлений; прочитан эпизод колесницы.

• «Катха-упанишада», I.3.3–9; Swami Paramananda, 1919: The Upanishads. Первичный перевод с отдельным комментарием; прочитана последовательность образа колесницы.

• William Wainwright, Concepts of God, Stanford Encyclopedia of Philosophy, архив spring 2007. Академический ориентир по внутренним различиям веданты; прочитаны соответствующие фрагменты, не полная история традиции.

• Mikel Burley, Comparative Philosophy of Religion, Stanford Encyclopedia of Philosophy, 2025. Академический методологический источник; прочитаны введение и фрагменты о масштабе сравнений.

Теги

освобождение, спасение, просветление, пробуждение, мокша, нирвана, христианство, буддизм, упанишады, Бхагавадгита, веданта, атман, личность, знание, незнание, страдание, жажда, преданность, действие, отречение, конечная цель, религиозный опыт, Катехизис, сравнительная философия, перевод, традиция, ответственность, самоописание, духовный путь, различия

Про авторов

Andrey Zarinsh — автор и основатель проекта United Wisdom. Исследует темы внутренней трансформации, единства традиций, межкультурного диалога и современной духовной дисциплины. Instagram: @andrey.zarinsh.

Maria Evilkut — соавтор United Wisdom. Помимо исследовательской работы, она стремится проверять эти идеи на практике и наблюдать, как принципы единства и взаимопонимания работают в реальной жизни между людьми и культурами. Instagram: @ilkutki.